

ебра Нельсон визжала и отбрыкивалась, но двое мужчин крепко вцепились в ее руки и ноги. Церковный подвал смотрел на нее темным глазом, а внутри что-то шевелилось.

1834 год

Что-то злое. Она чувствовала эту злобу — холодную и липкую, как кожа разлагающегося мертвеца. Она много повидала таких мертвецов после недавней эпидемии хвори. Многие в городе умерли, не выдержав болезни.

— Он голоден, — прозвучал голос пастора Люка. — Если его не накормить, не видать нашему городу благополучия и благословения.

— Давай, Дебра, — ухмыльнулся над ее ухом Марти Браун. Его голос был липким и скрипучим, как плохо смазанная дверь. — Послужи нашему городу.

— Пошел ты к черту! — Дебра снова попыталась освободиться, даже заехала пяткой в лицо Гилберту Миллеру, и он едва не выпустил ее от неожиданности, грязно выругался вслух.

Ничего. Для нее ничего не произошло.

Хватка только усилилась.

Она визжала, когда мужчины швырнули ее вниз по лестнице прямо во тьму. Боль пронзила ее лодыжку, что-то хрустнуло внутри.

Наверное, кость.

Наверху хлопнула дверь, отрезая ее от единственного источника света.

Дебре от боли хотелось выть. А тьма вокруг шевелилась и шевелилась. По лицу молодой женщины текли слезы.

Она должна выбраться. Ради дочки.

Ухватившись за ступеньку, Дебра попыталась подтянуться. Кто-то наблюдал за ней из темноты, как наблюдает охотник за жертвой, выбирая нужный момент для выстрела. Она все же подтянулась наверх, царапая ногтями ступени и сдирая и без того натруженные пальцы до крови.

Ногу снова пронзило болью.

Дебра с трудом нащупала другую ступеньку в кромешной тьме. Следующую. Вот так. Медленно... но она выберется. Обязательно выберется.

И тогда нечто с диким криком шлепнулось ей на спину и сдавило как в тисках, ломая кости. Это было больно, так больно, что молодая женщина завопила, хлюпая кровью, хлынувшей в горло. Она кричала и кричала, пока ее легкое не проткнулось осколком ребра.

Нечто, урча, приступило к трапезе.

1995 год

По обе стороны от шоссе тянулись ряды кукурузы. Ветер шелестел в их желто-зеленом море, и только одинокий «Форд», проезжавший мимо, беспокоил эти поля. Будил их от летнего липкого сна.

Некоторые шоссе в Небраске были мертвыми. Пока Луиза Миллер ехала в сторону Хаммерфорда (округ Бокс-Бьютт, штат Небраска), ей не встретилось ни одной машины. Даже в обратную от этих богом забытых городков сторону. Сюда ездили так же редко, как и выезжали отсюда.

Щелчком выбросив в приоткрытое окно окурок, Луиза вдохнула жаркий, сухой воздух, тут же обжегший горло.

Над полями раскинулось ярко-синее небо, по которому, будто разомлев от жары, медленно плыли облака. Она помнила эти места еще с детства, когда отец отправлял ее на летние и зимние каникулы в гости к матери. Он добирался с ней до Денвера и летел с ней на самолете до Аллайанса. Мама приезжала за ней в маленький местный аэропорт и отвозила в Хаммерфорд на своей машине, но, глядя на бесконечные кукурузные поля, девочка хотела только одного — поскорее вернуться домой, в Нью-Йорк.

Теперь мамы больше нет.

У них были не самые лучшие отношения после смерти отца — Луизе было уже восемнадцать, и она так и не дождалась маму на его похороны, — но не настолько, чтобы, когда ей позвонили и сообщили, что мать покончила с собой, девушка не впала в ступор и не расплакалась.

Матери было всего сорок три года. Луизу она родила, когда ей было семнадцать, затем отправилась вслед за мужем в Нью-Йорк. Через двенадцать лет, окончательно истрепав друг другу нервы, они развелись. Черт знает, почему маму потянуло

к фермерству и она уехала в Хаммерфорд, где они с отцом Луизы родились и выросли, а на деньги, полученные от раздела имущества, сделала ремонт в родительском доме.

Уже в двенадцать лет Луиза была уверена, что хочет остаться в Нью-Йорке с папой, а не жить среди бесконечной кукурузы и пыли, мотающейся по улицам крохотного городка и забивающейся в нос. Если летом Хаммерфорд еще можно было терпеть, то зимой он превращался в еле дышащий памятник временам Великой Депрессии.

Или пятидесятым. Или любым другим временам, застывшим, как муха в янтаре. Здесь ничего, ну просто ничегошеньки не менялось.

Мать вышла замуж, родила Луизе сестренку и, покачивая на руках младшую дочь, часто рассказывала Лу, что большой город душил ее, а тут, в Небраске, она отдыхает и снова живет, а также может дышать. Девочка не понимала тогда, не понимала и следующие десять лет, исправно получая от матери открытки с изображением природы штата или с цитатами из Библии и отправляя ей свои, с фотографиями Центрального парка или Манхэттена. Прекрасно при этом зная, что ни парк, ни Манхэттен не кажутся матери прекрасными или хотя бы стоящими внимания.

А теперь мама умерла, и Луиза понятия не имела, что чувствует по этому поводу. Чувства смешались, как в блендере, и она ощущала растерянность, страх, непонимание и горечь. Девушка обожала отца, а с матерью доверительных отношений так и не сложилось, но...

Это была ее мама.

И сейчас она ехала, чтобы похоронить ее и забрать под опеку свою младшую сестру по имени Джилл, которую не видела последние лет... семь?

Выцветший билборд с надписью «Иеремия 8:20: Жатва прошла, кончилось лето, а мы все не спасены» проплыл мимо. Луиза бросила взгляд на знак, требующий сбавить скорость до тридцати, и плавно отпустила педаль газа.

Здесь ничего не менялось ни сейчас, в 1995-м, ни десять лет назад, когда Джилл только родилась.

В таких местах никогда и ничего не меняется. Даже надпись на билборде.

Луиза как раз реставрировала картину по заказу одного из своих давних клиентов, когда телефон в холле зазвонил. Наскоро вытерев руки тряпкой, она поднялась по лестнице из подвала, втайне надеясь, что звонок прекратится и ей позволят доделать работу.

Но телефон все звонил.

— Алло? — Девушка подняла трубку.

— Луиза Миллер? — голос показался знакомым, но откуда?.. Связь была какой-то неровной, трескучей, будто звонили издалека, и периодически прерывалась, поэтому имени она не услышала. — ...Картер, помощник шерифа в Хаммерфорде, округ Бокс-Бьютт, штат Небраска.

Луиза моргнула. Недоброе предчувствие мазутом разлилось внутри.

— Это я, — медленно произнесла она. — Что-то произошло?

«Мама?»

От новостей, сказанных ей в трубку, Луиза осела на пол, хватая ртом воздух. Новость была как обухом по голове.

Из управления шерифа по округу Бокс-Бьютт, где последние годы жила ее мама, сообщали, что она покончила с собой, а ее муж — отчим Луизы — пропал.

О Господи.

Мама умерла, а отчим пропал.

Мама убила себя.

— Мисс Миллер? Вы здесь?..

Кукурузные поля закончились. Луиза проехала заправочную станцию с кафешкой — на стоянке стояло две машины — и свернула на Дубовую аллею. Оттуда до дома мамы было подать рукой, но ей нужно было заехать в администрацию Хаммерфорда и встретиться уже с этим шерифом Картером. Или помощником шерифа? Его фамилия, кстати, была ей знакома. Но тот ли это Картер?..

Ей чудилось, она может видеть собственный призрак — девочка в летнем платье бежит по пыльной улице, длинная темная коса бьет ее по спине и плечам. Девочка, ожидающая возвращения в Нью-Йорк и прячущаяся среди кукурузы, чтобы порисовать. Девочка, у которой все впереди.

Луиза глотнула горький комок и шмыгнула носом. Так она вернулась домой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шейн Картер отодвинул от себя несколько фотографий с места происшествия и потер двумя пальцами переносицу.

Только самоубийств ему сейчас не хватало.

Когда они взломали дверь, миссис Джордан лежала в ванной, запрокинув голову, а руки ее были вспороты от запястья до локтя. Вода стекала и стекала на пол. Стена ванной была вымазана в крови.

Не то чтобы Шейн прежде никогда не видел самоубийц. Когда он был ребенком и лето казалось им с друзьями бесконечным, они наткнулись в лесу на труп. Тот явно провисел там уже несколько дней, вонял, вокруг почерневшего лица вились мухи. Только потом ребята узнали, что это был вернувшийся с Вьетнама Дуг Карлсон, места которому «на гражданке» так и не нашлось.

И не то чтобы Шейн в принципе никогда не видел трупов. Он уже несколько лет работал помощником шерифа, так что его сложно было удивить мертвым телом. Люди вообще склонны умирать, такая уж у них судьба. Но что-то в смерти миссис Джордан его беспокоило. Зудело настойчиво в висках, как надоедливый москит.

Мужчина хорошо помнил Кэтрин Джордан. Она вернулась в Хаммерфорд, город своего детства, лет тринадцать назад; Шейн как раз ходил в старшую школу, и многие из девчонок, которых он знал, посещали ее уроки рисования в качестве свободной дисциплины. Ее муж тоже преподавал, только тригонометрию, и на каждой его контрольной Шейн потел как не в себя. Потом у Джорданов родилась мелкая.

Джилл.

Именно она подняла крик, когда, приехав со школы на автобусе, обнаружила разлившуюся по коридору воду и не смогла дозваться матери. Машину трясло, когда Шейн приехал, и он тут же сдал ее соседям на руки, почуяв неладное. У него была чуйка на дерьмовые происшествия.

В очередной раз чуйка не подвела.

Конечно, самоубийства в их городке случались.

После войны во Вьетнаме, например. Как тот самый Дуг Карлсон. После сокращений, потому что в Хаммерфорде было не так много свободных мест для работы. От несчастной любви — практически никогда. Подростки в Небраске росли среди кукурузных полей и свиных ферм, среди проповедей и развалившихся семей тех, кто не выдерживал сельской жизни, и они куда больше знали о практической стороне этой гребаной жизни и о том, что жизнь не заканчивается, если тебя бросили.

Но семья Джорданов — до исчезновения их главы — была чертовски счастливой. Это видел даже идиот. И даже слепой бы заметил.

«Просто, — подумал про себя Шейн, — далеко не всегда человек может выдержать внезапно сва-

лившуюся на него хрень, если до этого все было в порядке».

Номер Луизы Миллер был написан на стикере и прикреплен на обложку папки с делом миссис Джордан. Этот номер был записан у нее в телефонной книге самым первым, а для верности еще и прилеплен к зеркалу точно таким же стикером.

Шейн хмыкнул, почесал заросший щетиной подбородок. Луиза Миллер... Он хорошо помнил ее, они ведь были почти одного возраста. Даже слишком хорошо помнил, ага.

Луиза.

Лу.

Бутылочка крутилась, пока не указала на Луизу.

— Ой! — Ее смуглые щеки моментально покраснели. Она явно не ожидала, что игра начнется прямо с нее.

— Правда или действие, Луиза? — широко ухмыльнулась Вики Браун. Ее светлые волосы были убраны в высокий хвост. — Давай, мы все здесь в этой лодке вместе.

Шейн закатил глаза. Вики на самом деле терпеть не могла Луизу, считая ее «ню-йоркской выскочкой, которая и плюнуть рядом с ними брезговала». Хотя это явно была неправда, Вики считала иначе. Но летом заняться было особенно нечем, а Джорданы были соседями Браунов, так Луиза и оказалась в этот душный июльский вечер в их компании.

В ее первый летний приезд всем даже было интересно, что за девчонка приедет в гости к «блудной дочери Нельсонов», свалившей в Нью-Йорк сразу после окончания школы и вернувшейся через тринадцать лет в родной дом. Хаммерфорд, годами не видевший таких потрясений, еще не успел отойти от возвращения Кэтрин Нельсон, бывшей Миллер, и ее второго замужества, как летом заявила дочка Кэтрин, оставшаяся в Нью-Йорке с отцом.

Это было эффектом разорвавшейся бомбы для них. И Вики наверняка чувствовала, что ее авторитет пошатнулся. Но ей повезло: Луизу не интересовало общение с ними. Сначала их небольшая компания вообще думала, что Луиза выпендривается, но Шейн, работающий в местном магазинчике, сразу понял — она просто стеснялась и любила одиночество. А шатаясь однажды в свой выходной по кукурузным полям, он случайно увидел, что Луиза пряталась на полях, чтобы порисовать.

Она была симпатичной. Каждый раз, когда Луиза улыбалась, Шейн чувствовал, как в желудке у него что-то сладко переворачивалось, и в свои пятнадцать он достаточно хорошо знал реакции своего тела, чтобы осознать: девчонка ему понравилась.

Несмотря на то, что она была еще слишком мелкой. Даже четырнадцати не исполни-

лось. Несмотря на две тугие и плотные черные косы, не идущие в сравнение со светлыми мягкими волосами Вики или русыми прядями Элис. Несмотря на вечно ободранные коленки и румянец, заливающий щеки каждый раз, когда Лу входила в их магазинчик, с мамой или без.

— ...действие, — отозвалась Луиза. Ее лицо было похоже на помидор.

Шейн подавил улыбку. Для жительницы Нью-Йорка, что казался им всем какой-то далекой сказкой, пусть пастор и вещал в проповедях, будто мегаполисы — это сосредоточение вселенского зла, Лу была слишком застенчивой.

— Тогда, — Вики хищно оглядела их компанию, — ты должна просидеть семь минут в кладовке в полной темноте с... Шейном!

— Вики, ты охренела? — ахнула Элис. — С моим парнем?

А вот это уже вранье.

Вообще-то они не встречались. Не совсем. Пару раз Шейн приглашал Элис в кино, один раз они даже целовались от скуки, но он ничего ей не предлагал и никакого ответа не получал. Да и на школьные танцы они не ходили вместе ни разу.

Элис ему разонравилась очень быстро, однако девчонка почему-то все еще флиртовала с ним при любом удобном случае и не хотела замечать его отказов и отмазок. Наверное, стоило сказать ей прямо, да только

до этого момента она ничего и не говорила так, чтобы в лоб.

Оказалось, Элис думает, будто они — парочка. Придется разочаровать. Шейн уже открыл рот, чтобы ответить, но его прервали.

— Расслабься, — закатила глаза Вики. — Это просто кладовка.

Лицо Лу полыхало.

— Зачем? — пробормотала она, и Шейн не мог понять, боится девчонка Элис или его самого, но понял, что ему стоит ее поддержать.

— Дурацкая идея, Вики, я серьезно, — качал он головой.

«Семь минут» были приколом для парочек или для тех, кто слишком стеснялся, чтобы стать парочкой. Парень сомневался, что они с Луизой стали бы парочкой. Может, ей этого и вовсе не хотелось бы.

— Ну, или ей придется выбрать «правду» и рассказать, что у нее за бойфренд волшебный такой, раз отказывается от семи минут с единственным свободным парнем в этом доме, — голос Вики был таким сладким, что у всех вокруг должны были сплунуться задницы от этой патоки. Впрочем, укол был определенно направлен в сторону Элис.

Гребаные «заклятые подружки». Они обе раздражали Шейна, но когда Джим начал встречаться с Вики, то он прицепом оказался в их компании популярных деток и так и не выбрался из этого термитника. Навер-

няка Вики просто хочет щелкнуть по носу Элис и показать, что она может рулить в их тусовке даже тем, кто с кем встречается. Потому и Луизу сюда позвала.

Луиза сглотнула. Поджала губы, полные и яркие. Шейн подумал, что поцеловал бы ее, если бы она была не против. Поцеловал так, что все ее городские ухажеры показались бы девчонке придурками.

Не то чтобы он и раньше не думал об этом.

— Тогда «действие». — Лу мотнула темными хвостиками волос. — Пошли, Шейн. Что страшного может быть в старой кладовке?

Вики делано пожала плечами.

— Например, призраки? Иногда я слышу по ночам, как там кто-то возится и что-то бормочет. Но, может, это просто мой папа там от бессонницы копается. Или нет...

Краска схлынула с щек Луизы.

— Нет там никаких призраков, — Шейн снова пришел ей на помощь. Он понимал, что от Вики отделаться будет трудно. Иногда было проще сделать то, чего она хотела. В конце концов, это были их разборки с Элис, а он сам Элис был ничего не должен. — Идем, Лу, раньше сядем — раньше выйдем.

Шейн снова взглянул на стикер с номером Луизы. Позвонить придется. О смерти матери ей никто больше не сообщит, просто некому. Джилл еще совсем ребенок, а Адам Джордан пропал, так что...

Вряд ли родственники Адама, хоть они теперь и родственники Луизы через ее мать, подумают о ней и о звонке в Нью-Йорк.

Мужчина провел по лицу ладонями. Говорить родственникам о чьей-то смерти всегда было тяжело, и к этому нельзя привыкнуть. К трупам привыкнуть куда как проще, чем к чужому горю.

«Особенно к горю тех, с кем есть общее прошлое, да?..»

На звонок Луиза ответила сразу же, но, кажется, не узнала его, а Шейн специально выбрал формальный тон общения. Связь трещала и прерывалась, и Шейн так и не понял, приедет она в город или нет. Если не приедет, социальным службам округа предстояло решить, с кем оставить Джилл. Родители Адама Джордана уже давно покоились на местном кладбище, как и родители Кэтрин, а единственная сестра Адама, возможно, и согласилась бы взять Джилл на воспитание, только вот у нее своих было трое, и четвертый ребенок наверняка совсем был не в кассу.

Вздыхнув, Шейн поднялся. Приедет Луиза или нет — он понимал, что называть ее «Лу» он уже не имеет права, — никто не отменял его обязанности поговорить с Джилл. И о том, хочет ли она жить с сестрой, и, к сожалению, о смерти Кэтрин.

Джилл сидела на кровати, поджав ноги, и вертела в руках игрушку. Ее тетя Сесилия увела из детской свою тройцу, чтобы Шейн мог поговорить с малыш-

кой, но шум их голосов и топот доносились даже с первого этажа. Спасибо Сесилии, что она согласилась приютить Джилл и стать замещающей семьей, но социальным службам дальше все равно предстояло что-то решать, а пока малышка Джорданов выглядела здесь потерянной и... лишней?

Разговаривать с детьми Шейн вообще не умел. Сестра у него была старшая, и она давно уже уехала из города; своих детей они с Мэри так и не завели, а потом развелись, так что он понятия не имел, с чего начать. Наблюдая, как Джилл ковыряет носик плюшевого мишки, мужчина кашлянул:

— Джилл, ты бы... хотела остаться у своей тети Сесилии?

Она подняла взгляд.

— Это обязательно? — голос у нее был ровным и тихим.

Шейн вздохнул. Дети всегда хотят слышать правду, но, боже, как же тяжело им эту правду говорить!

— Боюсь, что да. Тебе только десять, и ты не можешь жить одна в доме.

Джилл пожала плечами.

— Мне одиннадцать, — поправила она. — Недавно исполнилось. Мы с мамой... — малышка запнулась и шмыгнула носом, как любой ребенок. — Мы праздновали в кафешке у мистера Белла. Без папы, и... — девочка снова шмыгнула.

Сесилия рассказывала, что Джилл переживает смерть матери и пропажу отца весьма отстраненно. Мало говорит, в основном сидит в спальне и возится с игрушкой, которую Кэтрин подарила ей на пятый день рождения. Шейн понятия не имел, нор-